

Глава 7. Подсчет долгов

Ли Чжунчэн пребывал в полном оцепенении. От слов брата по его телу пробежала судорожная дрожь; не помня себя от ужаса, он попытался нащупать опору, чтобы подняться с земли.

Сидящий перед ним юноша лениво подпер подбородок рукой. Черные пряди волос скользнули по плечу, когда он слегка склонил голову набок.

— Разве я разрешал тебе вставать?

Лицо осталось прежним, в голосе не слышалось ни ярости, ни ледяного холода, к которому Ли Чжунчэн привык за эти годы. Напротив, губы Мо Сюня тронула мягкая, почти ласковая усмешка.

Но стоило ему заговорить, как собеседник невольно вздрогнул. Пальцы младшего брата разжались, и он снова мешком рухнул в дорожную пыль.

Ли Чжунчэн судорожно ловил ртом воздух, содрогаясь всем телом. Его заплывшие глаза опухли и стали похожи на два красных маньтоу.

Не давая слезам пролиться, «Мо Сюнь» чуть прищурился и произнес певуче:

— Только не вздумай реветь.

Ли Чжунчэн с детства привык быть единственным родным сыном, окруженным заботой и потаканием. Родители и старший брат всегда оберегали его, и он привык к утешениям. Решив, что брат наконец сменил гнев на милость, он уже приготовился излить всё свое возмущение и обиду, и в его глазах задрожала влага...

«Мо Сюнь» улыбнулся еще нежнее:

— Если хоть одна слезинка упадет — я так тебя пну, что улетишь на соседнюю гору. Твои родители потом и мотыгой тебя от скалы не отскребут, веришь?

Подростка пробрал ледяной пот. Страх мгновенно высушил слезы. Зубы его застучали, и он воззрился на юношу с нескрываемым ужасом.

— Брат... — пролепетал он, заикаясь.

— Какой я тебе «брат»? Можешь хоть «отцом» называть, не поможет, — Гу Суйчжи усмехнулся. — Сейчас ты вспомнил о братских узах, а где же ты был раньше?

— Я...

— Что «я»? Разве я позволял тебе открывать рот? — Гу Суйчжи едва сдерживал кипевшую внутри ярость. За всю свою жизнь он не позволял никому так поносить себя, тем более какому-то неблагодарному щенку. На лице его сияла благообразная улыбка, но в мыслях он уже не раз перетряхнул всё родословное древо семьи Ли.

Он глубоко вдохнул, подавляя гнев.

— Ну что, малец, давай-ка подведем итоги.

Гу Суйчжи извлек из памяти Мо Сюня нужные обрывки и начал:

— Ты только что кричал, будто ваша семья растила меня столько лет. Что ж, просвети меня: сколько именно денег вы на меня потратили? По пунктам, со всеми расходами. Назови мне точную сумму моего «долга», и я верну его тебе прямо сегодня. До последнего медного гроша.

Ли Чжунчэн замялся и инстинктивно покосился на родителей.

— На кого ты смотришь? — Гу Суйчжи проследил за его взглядом и вскинул бровь. — На отца с матерью? Прекрасно. Пусть говорят они.

Он равнодушно взирал на этих двоих смертных, чей облик был изборожден печатью болезней и преждевременной старости. У него не было к ним ни капли сочувствия. За те полчаса, что он наблюдал за этой сценой со стороны, в его душе не возникло и тени симпатии.

По одной капле можно судить о море: то, как Ли Чжунчэн вел себя с Мо Сюнем, не было плодом одного дня. Приемный был человеком подневольным, ему было трудно возражать, но эти двое... Неужели младший сын свалился им на голову уже взрослым? Они что, ослепли или оглохли?

Сын поносил брата на чем свет стоит, а супруги Ли лишь выдавили из себя вялое «не болтай лишнего». Больше — ничего. За каждым несносным ребенком всегда стоят родители, потакающие его порокам.

— Говорите, — велел Гу Суйчжи. — Начните с того самого дня, как подобрали меня. Не забудьте ни единой монеты, чтобы потом ваш сынок снова не называл меня вором и предателем.

Старики съежились, пряча глаза. Они не смели поднять взгляд на юношу.

Сколько денег нужно, чтобы вырастить ребенка в такой глуши? Лишь бы не умер с голоду да не

замерз насмерть. Мо Сюнь с детства отличался крепким здоровьем, почти не болел — значит, на лекарей и снадобья тратиться не пришлось. В школе он не проучился ни дня, так что и на образование не ушло ни гроша.

Как ни считай, весь их вклад ограничивался парой обносков, застиранных до потери цвета, да миской похлебки в течение нескольких лет. В общей сложности это не тянуло даже на стоимость одной Изящной травы.

А ведь когда Мо Сюню исполнилось восемь, оба супруга слегли. Мать еще могла хлопотать у печи или стирать белье, но отец не мог даже ведро воды поднять — задышался через два шага. С того момента забота о пропитании семьи легла на чужие плечи.

— Не можете посчитать? Что ж, я помогу. Округлим до ста лянов серебра. Считайте, что остаток — это ваша премия за «тяжкий труд». Согласны? Я ведь вас не обделил?

Лица стариков стали мертвенно-бледными. Они не могли кивнуть, сгорая от стыда. Они прожили всю жизнь в городе Юнь, не видя мира, но даже здесь, в захолустье, знали: богачи тратят на содержание кошки больше сотни лянов в месяц. А они за восемь лет жизни сына потратили лишь эту малость.

— А теперь, — продолжил Гу Суйчжи, — посчитаем мои заслуги.

— С восьми лет я батрачил в книжной лавке. Получал пол-ляна в месяц — это шесть лянов в год. В десять лет плату подняли до одного ляна. Прошло десять лет, и пусть этот год еще не кончился, посчитаем по минимуму — восемьдесят лянов.

В те годы Мо Сюнь был совсем мал, и многие лавочники гнали его взащей. Но он рано повзрослев, был не по годам серьезен и исполнителен. К тому же, хозяин взял его не только за старание, но и за внешность. Его красота была видна уже тогда. Стоило юноше сесть за прилавок, как вся лавка словно преображалась, становясь светлее и достойнее. Книги здесь были предметом роскоши, и жалованье платили приличное. Одна эта работа уже покрывала большую часть долга, и лица супругов Ли потемнели еще сильнее.

— После смены я бежал на пристань разгружать товары. Там платили за объем работы. Трудно сказать точно, сколько я заработал, но труд это каторжный, и платили там куда больше, чем в лавке. Запишем двести лянов. Есть возражения?

Никто не проронил ни звука.

— А еще я время от времени уходил в горы. Охотился или собирал лечебные травы. Тут доходы были разными, мелочь я даже считать не стану. Возьмем только ценные находки, — Гу Суйчжи коснулся пальцами виска. — В общей сложности наберется около тысячи лянов.

— Откуда такие цифры?! — взвизгнул Ли Чжунчэн. — Я в жизни не видел таких денег!

— Я могу посчитать иначе, — холодно отозвался Гу Суйчжи. — Давай прикинем, сколько за эти годы ушло на врачей и лекарства для твоих родителей. А еще — на твое обучение и на подношения твоему драгоценному дяде и его сынкам. Хочешь знать, сколько я на это заработал?

Младший брат осекся, захлопнув рот, как напуганный моллюск.

Семья Ли была бездонной ямой. Болезни стариков требовали постоянных трат, да и сам Ли Чжунчэн рос хилым ребенком — отвары в его доме не переводились. А потом пришла пора платить за школу. А в мире смертных и медицина, и знания стоят непомерно дорого.

Деньги, что зарабатывал Мо Сюнь, казались огромными, пока лежали кучей, но стоило распределить их по месяцам — и они без следа исчезали в этом бездонном колодце нужд.

— Я даже не считаю ущерб, нанесенный моему телу и духу, — добавил Гу Суйчжи. — С этим вы не расплатитесь, даже если до смерти будете на меня батрачить.

Того, что культивация уровня Золотого ядра была насильно отброшена назад к Очищению Ци — во сколько это оценить?

Гу Суйчжи невольно усмехнулся собственной мысли:

— И я еще считаю вам «премию за труд»... Значит, когда двое взрослых работают — это труд, а когда восьмилетний ребенок вкалывает на износ — это в порядке вещей?

Ли Чжунчэн, не желая сдаваться, забормотал:

— Но ты ведь тоже сын в этой семье! Разве не твой долг — содержать родителей? К чему эти мелочные подсчеты?

— Ты тоже сын в этой семье, — парировал Гу Суйчжи. — И сколько же заработал ты? Каким подношением почтил родителей? А? Шестнадцатилетний младенец, сколько ты принес в дом и сколько из него вытянул?

Он коротко хмыкнул. Увлечшись нравоучениями, он на мгновение забыл, что находится в чужом теле. Пальцы, небрежно подпирившие подбородок, скользнули к затылку.

Когда холодные кончики пальцев коснулись мочки уха, по всему телу пробежала тонкая, едва ощутимая дрожь. Словно слабый электрический разряд прошел его от макушки до пят.

Гу Суйчжи замер.

В море сознания, среди недвижной духовной глади, разошлись едва заметные круги.

Ли Чжунчэн тяжело сглотнул. Он отчаянно пытался подобрать слова, составить из выученных в школе иероглифов какую-нибудь язвительную колкость, чтобы швырнуть её в лицо брату. Но учеба никогда не была его сильной стороной. Как он ни тужился, в голове было пусто.

Всё, на что его хватило — это старая заезженная песня:

— Мы спасли тебя... Если бы не мои отец и мать, ты бы давно сдох...

— Когда я говорю о деньгах, ты заводишь речь о чувствах. Когда я перехожу к чувствам, ты начинаешь твердить о милости, которую ваш дом оказал мне за эти годы, — Гу Суйчжи вдруг весело рассмеялся. — Ловко ты увливаешь. Давай играть по правилам: раз уж мы начали деловой разговор, оставь свои бредни при себе.

Он подался вперед, и глаза его сверкнули:

— А если ты так жаждешь поговорить о чувствах... Что ж, я только что озвучил сумму. Верни мне долг, и тогда, так и быть, можешь снова взывать к моей совести.

<http://bllate.org/book/15862/1432995>